

Ольга Шо

Под запретом
Наследница Авторитета

Ольга Шо

Наследница Авторитета.

Под запретом.

<https://litres.ru/74203679>

Аннотация

- А я думал, что наследница авторитета Саида Сафарова будет вести себя более смело, а не трястись, как трусливый заяц. - Ты, фрайер, приковал меня наручником к кровати, - дёрнула рукой, - и непонятно что делал со мной, пока я была в отключке! - Я не имею привычки насиловать женщин в бессознательном состоянии. - То есть, насилуешь их только в сознательном? Мужчина подошёл ближе, его рука взлетела вверх, а Аида тут же резко дёрнулась, прикрывая глаза. - И я не имею привычки бить женщин. - Не имеешь привычки женщин бить? Решил начать практиковаться с меня? И приковывать женщин к кровати тоже начал с меня? Неплохо для первой попытки. - Мои действия в отношении тебя были продиктованы необходимостью. ОДНОТОМНИК НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ПОДПИСЫВАТЬСЯ НА МОЮ АВТОРСКУЮ СТРАНИЧКУ, ЧТОБЫ ОТСЛЕЖИВАТЬ НОВИНКИ И НОВОСТИ

ПЕЧАТНАЯ КНИГА ДОСТУПНА К ПОКУПКЕ НА
МАРКЕТПЛЕЙСАХ WILDBERRIES и OZON

Содержание

= 1 =	4
= 2 =	13
= 3 =	20
= 4 =	27
= 5 =	34
= 6 =	42
= 7 =	51
= 8 =	60
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Застегнув молнию на большой дорожной сумке, Аида поспешила покинуть пределы хостела — той дыры, в которой ей вынужденно пришлось остановиться на ночь.

Нужно уехать. Подальше. Туда, где её не найдут ни псы отца, ни люди Булата Рудакова, которого свои за глаза называют Безбашенным. Это прозвище теперь звучало в её голове как приговор.

Сжав подрагивающими пальцами ручки дорожной сумки — единственной ниточки, связывающей её с нормальной жизнью, — девушка направилась прочь из комнаты.

В хостеле неприятно пахло. В коридоре и вовсе царил затхлый, удушающий дух дешевизны и отчаяния. Впрочем, разве можно ждать чего-то иного от самой дешевой ночлежки на окраине? Здесь пахло поражением.

Надо просто уйти и забыть. А там всё как-то образуется. Обязано образоваться. Иначе — зачем всё это?

Спустившись на первый этаж, грудью налетела на мужчину — резко, неожиданно, словно на стену. Выдохнула растерянно, быстро извинилась, а после хотела пройти мимо, раствориться в спасительном воздухе улицы. Но ей не позволили.

Мужчина — молниеносно, без единого лишнего движе-

ния — зафиксировал её хрупкое запястье своими крепкими, цепкими, почти раскаленными пальцами.

Аиду обожгло возмущением. Никто не смеет её так хватать. Тем более какой-то прохиндей, проживающий в этой клоаке. Но когда она задрала голову и увидела его лицо — все мысли, все слова, вся гордость разом вылетели из головы, вытесненные одним-единственным, липким, всепоглощающим чувством страха.

Этот мужчина был не отсюда. Уж никак не походил на тех, кто останавливается в подобных местах. Прилично одет. Кожаная куртка сидела на нём, как влитая, плотные брюки тесно облегли мощные бёдра — чувствовалась сила, звериная, опасная. Куртка расстегнута. И этого хватило, чтобы рассмотреть портупею с оружием, засунутым в неё так привычно, словно мужчина носил его всю жизнь.

Сердце в груди Аиды забилося так часто и так громко, что глухой стук, наверное, слышал даже он. Да что там — весь hostel, наверное, слышал этот панический ритм. Она поняла всё мгновенно: он явился по её душу. Её нашли.

От кого он? От отца? Или Безбашенный всё-таки выследил её?

Только бы не последний вариант. Только не он. Потому что тогда ей действительно будет плохо. Булат сейчас так зол на её отца — лютой, нечеловеческой злобой, — что готов отыграться на его дочке. Сделать так, чтобы старый Сафаров захлебнулся собственной кровью, глядя на то, что останется

от Аиды.

— Кто вы? — спросила она тихо, почти шепотом, при этом лихорадочно озираясь по сторонам. Нужно выбрать момент. Улучить секунду. И убежать. Плевать на багаж. Плевать на вещи. Просто бы удрать — вырваться, как птица из силков. А там... там уже будь что будет.

— Даже не думай, Аида, — прошипел мужчина таким жутким, таким ледяным голосом, от которого по спине побежали мурашки, стягивая кожу в холодные узелки. — От меня не сбегает!

Он словно мысли её прочитал. Распечатал, как дешёвую газету.

Страх сковал девушку намертво. Ни кричать, ни говорить, ни даже дышать полноценно она не могла. В хостеле вдруг стало непривычно, неестественно тихо.

Сквозь эту тишину она слышала, как ровно, спокойно, почти скушаяще дышал мужчина, рассматривая её. Взгляд — пристальный, острый, режущий без ножа. Он словно раздевал её этим взглядом — нет, не так. Он словно вскрывал её, читал все тайны, которые она так тщательно прятала.

Аида давно не испытывала такого страха. Животного. Дикого. Первобытного. Когда хочется броситься к двери и нестись, не разбирая дороги, сбивая локти и колени в кровь, лишь бы спастись от хищника, который уже выбрал тебя своей жертвой.

Она дёрнулась — резко, отчаянно, всем телом. И после

только вздохнуть успела, как вокруг всё завертелось, перед глазами замелькали черно-белые круги, а в области затылка расцвела острая, ослепляющая боль. Дальше — тишина. Темнота. Провал.

Аида медленно раскрыла глаза. Сознание возвращалось урывками, словно рваная киноплёнка. Она пришла в себя, чувствуя, как в области шеи всё пульсирует — глухо, тяжело, — а в голове грохочет, будто там, внутри, поселилась целая шахтерская бригада с отбойными молотками.

Похоже, её весьма крепко приложили по затылку. Сквозь вату в ушах — густую, невыносимую — пробился чей-то приглушенный стон. И лишь через несколько бесконечных секунд она сообразила, что стон этот — её собственный.

Осмотрелась в незнакомой комнате. Здесь горел приглушенный, почти интимный свет. На окнах — плотные портьеры, сквозь которые не пробивалось ни лучика.

Аиде казалось, что сейчас поздний вечер, но утверждать с уверенностью она не могла. Как долго она провалялась здесь — беспомощная, как слепой котенок? Час? День? Неделю?

Она пошевелилась. Поняла, что лежит на широкой и удобной кровати — слишком удобной для тюрьмы, слишком мягкой для плена. Попытка встать завершилась провалом: рука резко дёрнулась назад и замерла, словно что-то невидимое, но беспощадное не пускало её.

Аида медленно, боясь совершать резкие движения — по-

тому что голова и так пульсировала и гудела, как церковный колокол после удара, — повернула голову.

Раскрыла рот от удивления, когда заметила, что кисть правой руки прицеплена к изголовью кровати. Наручником. Самый настоящим, стальным, холодным наручником.

Какое-то время Аида смотрела на него как в трансе, пытаясь сообразить, что всё это значит, где она и как такое вообще могло произойти.

Ей хотелось ущипнуть себя — до боли, до синяка, — чтобы проснуться. Потому что принимать такую реальность было невыносимо. Уж лучше бы это действительно оказался просто кошмарный сон. Самый страшный в её жизни.

Рука уже начинала неметь: неудобная поза сделала своё дело, по телу разливалось противное покалывание. И как освободить запястье, она не знала. Ничего не знала. Впервые в жизни она была совершенно, абсолютно беспомощна.

Издав очередной стон — жалкий, сдавленный, — Аида попыталась сесть на кровати. Неудобно. Но это лучше, чем лежать, чувствуя себя прикованной, униженной, словно цепной пёс.

А потом она слышала шаги за дверью. Медленные. Уверенные. Шаги хищника, который не торопится, потому что точно знает: добыча никуда не денется.

В горле у Аиды мгновенно пересохло — до рези, до боли. До тошноты. Невыносимо, унижительно было чувствовать себя настолько уязвимой. Беспомощной. Привязанной

к кровати, как собака на цепи.

Дверная ручка повернулась, скрипнула, и на пороге Аида увидела того же самого мужчину — того, с которым столкнулась в коридоре хостела. Того, который отключил её одним ударом.

Мужчина приблизился. Остановился напротив, сложив руки на груди. А после принялся рассматривать её — долго, пристально, медленно, словно она была каким-то диковинным музейным экспонатом. Или новой игрушкой, с которой еще не решил, что делать.

Аиде безумно захотелось зарядить в него чем-то тяжёлым — лампой, стулом, собственной злостью, — или пнуть как следует, чтобы он наконец перестал смотреть на неё этим своим изучающим, всезнающим взглядом.

Но ничего из этого она не могла сделать. В столь уязвимом положении она вообще ничего не могла. Её положение было настолько удручающим, что девушка впадала лишь в большую панику, которая застилала глаза красной пеленой.

Аида уставилась в лицо мужчине. Его карие глаза светились каким-то странным — почти безумным — блеском. Он не спешил нарушать молчание. Наслаждался им? Испытывал её?

Она перевела взгляд вправо и увидела свою дорожную сумку. Ту самую, с которой убегала из хостела. Сумка оказалась растерзана — молния сломана, ткань разорвана, — а содержимое вывернуто на пол, как и её документы. Паспорт

валялся в обнимку с помадой. Её обыскали. Перерыли каждую вещь. Словно воровку. Словно преступницу.

Мужчина приблизился еще на шаг, и Аида невольно вскрикнула — резко, испуганно, по-звериному — шарахаясь от него, вжимаясь спиной в холодное изголовье кровати.

— Что вам от меня нужно? — голос сорвался, предательски дрогнул. — Не прикасайтесь ко мне!

Мужчина издал хриплый, низкий смешок — такой, от которого кровь стынет в жилах.

— Не стоит так бояться меня, Аида Сафарова, — сказал он почти ласково, и от этой ласки стало еще страшнее. — Я не маньяк, не насильник и не вор.

Его голос действовал на нервы. Он звучал словно изысканная издёвка — бархатная, опасная, смертельная. И он знает её имя. И фамилию. Всё знает.

— Кто вы? — выдохнула она. — Я не помню, чтобы мы с вами были знакомы. Что вам нужно от меня?

— Как много вопросов для девушки, которую приковали к кровати, — усмехнулся он.

— Кто вы?! — почти закричала Аида.

— А я думал, что наследница авторитета Саида Сафарова будет вести себя более смело, — протянул он, наклоняясь ближе. — А не трястись, как трусливый заяц перед удавом.

— Я бы посмотрела на тебя, фрайер, — выплюнула она, чувствуя, как злость прорывается сквозь страх, — как бы ты себя повёл в такой ситуации! Приковал меня наручником к

кровати! — она дёрнула прикованной рукой, так что металл звякнул о дерево. — И непонятно что делал со мной, пока я была в отключке!

— Я не имею привычки насиловать женщин в бессознательном состоянии, — ответил он спокойно, даже равнодушно.

— То есть, насилуешь их только в сознательном?

Мужчина прищурился — медленно, опасно. Подошёл ближе, так, что Аида почувствовала запах его парфюма — горьковатого, дорогого, мужского. Его рука взлетела вверх, и Аида тут же сжалась, резко дёрнулась, прикрывая глаза и инстинктивно закрывая лицо ладонью.

— И я не имею привычки бить женщин, — сказал он тихо. — Чего же ты такая зашуганная вся, Аида?

Она разлепила веки и увидела, что он протягивает ей что-то — то, что вытащил из кармана куртки. Не оружие. Не нож. Что-то плоское, прямоугольное. Аида не могла понять, что именно находится в его руках, пока он не повернул предмет к ней.

— Не имеешь привычки женщин бить? — голос её дрожал, но она старалась держаться. — Решил начать практиковаться с меня? И приковывать женщин к кровати тоже начал с меня? Неплохо для первой попытки, господин хороший.

— Мои действия в отношении тебя были продиктованы необходимостью, — ответил он ровно. — Нужно было быстро увести тебя из той клоаки, в которой ты на ночь остано-

вилась. Если бы начал беседовать с тобой, что-то объяснять, просить не шуметь и пояснять, кто я, мы бы потеряли время. Тогда бы ты попала в руки к людям Булата. А я не мог этого допустить. Пришлось отключить тебя на какое-то время. Извини, — добавил он неожиданно, и в этом «извини» не было ни капли искренности.

— Ты от моего отца?

— Нет.

— То есть, ты не от Булата, но и не от моего отца? — в голосе Аиды прозвучало искреннее недоумение. — Кто же ты тогда?

Мужчина махнул перед её носом тем, что минуту назад извлёк из кармана куртки. Распахнул перед лицом Аиды красную книжицу — удостоверение, от которого у неё перехватило дыхание.

— Подполковник ФСБ, — произнёс незнакомец, глядя прямо в глаза. — Князев Филипп Артурович. А ты, Аида Сафарова, с этой секунды — под государственной защитой. Или под арестом, — он криво усмехнулся. — Как посмотреть.

На лице Аиды застыло полное, абсолютное недоумение, смешанное с недоверием и медленно зарождающейся новой волной страха — уже совсем другого, холодного и вязкого.

— Филипп с интересом рассматривал перепуганную девочку — и всякое желание использовать её так, как он планировал изначально, пропало мгновенно, словно кто-то щёлкнул выключателем.

Аида — дочь кавказского криминального авторитета, и Филипп, сам того не желая, успел представить её себе совершенно иначе: дерзкой, наглой, с цепким взглядом и повадками хищницы, которую с пелёнок учили выживать в джунглях большого криминального мира.

Но девушка оказалась русоволосой. Похоже, волосы крашенные — холодный пепельный оттенок выдавал искусственное происхождение, но это почему-то не портило её, а делало ещё более уязвимой на вид.

Глаза — такие чёрные, что в них теряется даже зрачок, бездонные и встревоженные, словно колодцы, в которые страшно заглянуть. Стройная. Красивая. Молоденькая.

Филипп точно знал: ей двадцать один год, работает медсестрой в обычной городской больнице, и вряд ли за её плечами — хоть что-то, кроме страха перед отцом и собственной нелепой попытки сбежать.

С её отцом — Саидом Сафаровым — у подполковника были свои, личные счёты. Такие, о которых он не рассказывал никому: ни сослуживцам, ни друзьям, ни даже тем, кто

спал с ним в одной постели. И он непременно воздаст Сафарову по счетам — сполна, с процентами и той жестокостью, которую годами копил в глубине души.

Судьба распорядилась так, что несколько лет назад Филипп подружился с авторитетом Булатом Рудаковым — человеком, которого в определённых кругах знали под утробной кличкой Безбашенный. Однажды Филипп спас Булату жизнь, вытащив его из перестрелки, которая должна была стать для того последней.

Второй раз — Булат вытащил Филиппа из такой передраги, что сам подполковник до сих пор вздрагивал по ночам, вспоминая запах крови и собственного бессилия. С тех пор мужчины и сблизились — странной, противоестественной дружбой, в которую никто вокруг не верил.

Филипп долгое время сам не верил в дружбу между ментовским полковником и криминальным элементом, но на поверку Булат оказался адекватным и надёжным мужиком. Более того — Безбашенный регулярно подкидывал Филиппу информацию на тех кадров, кто интересовал ментов: на педофилов, на наркоторговцев, на тех, кто переступал черту даже по понятиям.

Но сейчас, когда Булату понадобилась дочь той самой мрази — Саида Сафарова, — Филипп решил вмешаться. Потому что слишком решительно был настроен Булат. Слишком холодно и беспощадно звучал его голос по телефону. Если бы Безбашенный первым нашёл Аиду — отдал бы её на

растерзание своим людям, не думая, живой она выйдет из этого ада или нет.

Такое поведение с женщиной Булату было совсем несвойственно. Но желание отомстить Сафарову затмило всякий здравый смысл в горячей голове когда-то рассудительного мужчины.

Булату явно нужно было остыть. Филипп знал это так же точно, как знал, что за окном — ночь, а в груди — тяжесть давней обиды. Обдумав всё как следует, Булат не тронет Аиду. Но только если она доживёт до того момента, когда он остынет.

Аида откуда-то узнала, что её разыскивает не только Булат, но и люди отца. Сбежала, бросив и работу, и квартиру — просто собрала сумку посреди ночи и исчезла в неизвестном направлении.

Перед этим продала за копейки хорошую машину своей подруге Виктории, даже не предупредив её о риске. Именно Вика, сама того не желая, угодила в лапы к Булату вместо Аиды — и теперь расплачивалась за чужой страх.

Филипп заходил кругами вокруг девушки, размышляя, и каждый шаг отдавался глухим стуком в полупустой комнате. Девушку пока что нужно припрятать.

Посмотреть на поведение Саида. Этот подонок перепоганил Филиппу не только личную жизнь — до его родственников добрался, до стариков, которые ни в чём не были виноваты. Отомстил за то, что подполковник не внял угрозам и

сунулся к нему, поспособствовав отправке Саида на нары.

Со своими связями Сафаров сидел недолго — каких-то пару лет, которые для человека его уровня пролетели как один миг. Но он запомнил всех тех, кому был обязан этим. Вышел на волю — и отомстил каждому, до кого смог дотянуться грязными руками.

Смерть своих родителей Сафарову Филипп не забудет никогда. Никогда, даже если проживёт ещё сто лет. В своём желании отомстить этому гаду Филипп, не колеблясь, опустит все ментовские принципы и переступит через закон, который когда-то клялся защищать.

Этого гада он более не будет отправлять на нары — суды, адвокаты, апелляции, вся эта бюрократическая возня закончилась в тот миг, когда он увидел тела тех, кого любил. Дорога ему лишь одна — туда же, куда ушли и родители Филиппа. Только у подлого пса даже могилы не будет: сгинет без следа, без имени, без памяти.

О том, как сильно Сафаров привязан к дочери, Филиппу было хорошо известно. Девушка воспитанная по восточным традициям: отца не перечит, честь бережёт, в чужие глаза без разрешения не смотрит. И Сафаров уже подыскал для неё жениха — нужного человека, с нужными связями. Только забрать дочь не успел — Аида сбежала. Сбежала ли она от отца — или от Безбашенного, или сразу от обоих... Филипп этого ещё не понял, но в груди зашевелилось нечто, похожее на уважение к этой нелепой попытке вырваться.

Впрочем, от дочки Сафарова можно ожидать чего угодно. Неудивительно, что девица подставила невинную девушку и умотала в закат, даже не оглянувшись. Отродье Сафарова не думает о последствиях — печётся лишь о собственной драгоценной шкуре. Истинная дочь своего отца-мрази.

— И что же понадобилось от меня подполковнику ФСБ? — спросила девушка, неожиданно громко нарушив тишину, и голос её прозвучал на удивление твёрдо для той, кто только что тряслась от страха.

Филипп подошёл к ней, и пальцы его быстро — почти небрежно — освободили руку девушки от холодного металла наручника. Аида потёрла запястье, ощутив себя свободной. Впрочем, это чувство свободы было полностью фальшивым — как дешёвый фантик, под которым скрывалась пустота.

Мужчина присел рядом с ней — так близко, что она теперь смогла рассмотреть его лучше. Тёмно-каштановые волосы, падающие на лоб, карие глаза, в которых притаилась усталость, и густые ресницы, которым позавидовала бы любая женщина. Ямочка на подбородке — почти мальчишеская, красиво очерченные губы, которые сейчас были плотно сжаты.

Вместе с тем на его лице застыло выражение гордыни, надменности и завуалированной, глубоко запрятанной злости, таящейся в каждой черте, в каждом напряжённом мускуле. Взгляд девушки прошёлся по широким плечам и си-

ней футболке мужчины, которая не скрывала мощные бицепсы — на них, на смуглой коже, отчётливо виднелись татуировки, рисунки которых нельзя было разобрать в полумраке.

Девушка резко повела шеей и застонала, ощутив тупую, пульсирующую боль в затылке. И вот теперь — только теперь — в карих мужских омурах Аида увидела искорки сочувствия. Настоящего, живого, не наигранного.

Филипп дотронулся до её плеч — осторожно, но уверенно. Девушка дёрнулась, пытаясь освободиться от его прикосновения, как дикий зверёк, попавший в капкан, но он не позволил. Его пальцы сместились к затылку Аиды, перебирая пряди, ощупывая кожу там, где под волосами пряталась боль.

Нащупав небольшую шишку — твёрдую, горячую, от которой девушка вздрогнула всем телом, — мужчина поджал губы.

Девчонка оказалась вся такая хрупкая и нежная. Вроде бы несильно он её и приложил, чтобы вырубить — по-отечески, с досады. А на деле нанёс травму.

— Больно? — спросил тихо, почти прошептал, и в голосе его скользнуло что-то, похожее на вину.

— Больно, — прошипела Аида, посмотрев на него исподлобья, и в этом взгляде смешались ненависть, страх и то странное любопытство, которое возникает к палачу, если он вдруг оказывается не чудовищем.

— Что же... через пару дней всё пройдёт, — выдохнул он, отстраняясь, но не убирая руки с её плеча — слишком резкое движение могло испугать.

— У тебя будут неприятности, подполковник. Я напишу на тебя заявление и обвиню в нападении с рукоприкладством, — голос её дрогнул, но прозвучал твёрже, чем она сама ожидала.

— Милая девушка, — Филипп усмехнулся, и в этой усмешке не было насмешки, только усталость и какая-то горькая нежность, — ты сейчас не в том положении, чтобы мне угрожать.

Аида смолкла, когда мужские пальцы принялись изучать её затылок — словно оценивали степень серьёзности травмы, словно проверяли, не ушла ли она в мир иной от одного лишь его прикосновения. А после Филипп резко сорвался с места, вышел из комнаты, но вернулся обратно уже минут через пять.

— Ой! — вскрикнула она, когда он приложил к её затылку что-то холодное и влажное. Хотелось выразиться грубо, выпустить наружу всё, что накипело за эти минуты ужаса. Но слова застряли в горле, превратившись в колющий ком. Аида, словно загипнотизированная, следила за мужчиной. Изучала каждое его движение, каждую морщинку на лбу.

Вслушивалась в то, как его пальцы сжимали её плечо — сильно, почти до боли, но в этой боли чувствовалась странная забота. Вторую руку он не убирал от её затылка, продолжая держать то самое холодное. Ледяной компресс слегка остудил голову девушки, притупляя пульсирующую боль и возвращая способность мыслить хоть сколько-нибудь здраво.

Аида заметила, как нахмурился мужчина. Приблизился к ней так близко, что она ощутила тёплое дыхание, ласкающее её щёку, словно невидимая ладонь. От него приятно пахло — не резким одеколоном, а чем-то глубоким и живым.

Его парфюм имел смесь чего-то цитрусового, морского и того чисто мужского запаха, свойственного лишь этому мужчине — опасному, чужому и почему-то притягательно-му. Карие глаза встретились с её чёрными, и Аида увидела в глубине его зрачков собственное отражение — испуганное, растерянное, почти сломленное.

Девушка не могла понять его настроение. Зачем он ей? Для чего весь этот спектакль с заботой? Кроме того, его странная реакция очень напрягала.

На лице Филиппа мелькали самые разные эмоции — как тени на ветру. И среди них были не только гнев или злость, но и некое недоумение, будто он сам не рад тому, что делает.

Аиду захлёстывала паника — липкая, удушающая. Хотелось послать мента к чёрту вместе с его ледяными компрессами и наигранной заботой. Но она побоялась нарушать тишину. Не стоит его злить по пустякам. Мало ли... вдруг снова приложит по голове — и тогда уже точно не встанет.

Мужчина резко встал и отошёл от Аиды. Пакет с кубиками льда отшвырнул в сторону, словно тот был оскорблением для его достоинства.

Резко стал меняться в лице — словно маску сбросил. В его взгляде больше не было и намёка на сочувствие. Теперь в глубине карих омутов сверкало холодное безразличие.

Словно ему плевать на девушку, на её боль, на её страдания. Словно минуту назад он играл роль, а теперь спектакль окончен.

Непонятно, какие чувства побудили мужчину проявить к пленнице подобие человеческой заботы, но сейчас он снова держал все эмоции под контролем — железным, непроницаемым.

— Тебе уже лучше, Аида. Я вижу. — Его голос звучал ровно, будто ставил диагноз.

— Это ты так издеваешься? — прошипела она, чувствуя, как внутри закипает злость. — У меня голова болит. Ты меня чуть не убил.

— Сама виновата. — Филипп даже не моргнул. — Нечего было дёргаться и задавать кучу вопросов.

— То есть, это я виновата в том, что ты напал на меня? Что едва ли не пробил мне череп и после похитил? — Голос Аиды дрожал от негодования. — У тебя с логикой всё хорошо, господин подполковник? — Внутри девушки бушевали эмоции, которые она жаждала выплеснуть на того, кто причинил ей столько страданий за последние часы.

— Я спас тебя, Аида. — Он говорил медленно, словно вдавливал истину в её непослушный разум. — Думаю, что когда ты хорошенько обо всём подумаешь, то поймёшь — я говорю правду. Полагаю, что моё общество будет для тебя гораздо приятнее, чем компания Булата или твоего папочки.

— То есть, ты следил за мной для того, чтобы помешать мне угодить в лапы к Булату или моему отцу? — Аида прищурилась, пытаясь разгадать его игру.

— Браво, Аида. — В его голосе послышалась издеватель-

ская нотка. — Всё же мой удар не повредил тебе мозг и не повлиял на умственные способности. Ты совершенно права.

— Ладно. Если это так, то зачем я тебе? — Она вцепилась в его слова, как в соломинку. — Ты же не без цели меня забрал из отеля.

— А ты начинаешь соображать. — Филипп усмехнулся, но улыбка вышла кривой и злой. — Хотя, я уже сожалею о том, что пожалел тебя. Когда ты подставила свою подругу Викторию, ты не сильно тревожилась о том, что с ней сделают.

Аида всматривалась в строгие, почти brutальные черты мужского лица. Сейчас в его глазах были видны искорки презрения — холодные, острые, направленные прямо на неё. Он действительно не самого лучшего мнения о ней. Но почему? Что она ему сделала плохого? Чем заслужила такую ненависть?

— А что случилось с Викторией? — спросила она тихо, почти шёпотом, боясь услышать ответ.

— Ты под дуру не коси, лады? — Голос Филиппа стал жёстким, как сталь. — Я этого не потерплю. Ты продала Вике свою тачку, но при этом знала, что люди Булата тебе на пятки уже наступают. Вы с Викой чем-то похожи. Один рост, один цвет волос, даже фигуры у вас схожи. Разве не понимала, что Вику возьмут вместо тебя?

— Как? — Аида ощутила, как ледяной холодок пробежал вдоль позвоночника, сковал грудь. — Вика у... у Булата?

— Да. — Филипп не сводил с неё тяжёлого взгляда. — Вику сцапали люди Булата. И они не сразу поняли, что перед ними — не дочь Сафарова.

— Я не желала зла Вике! — выпалила Аида, чувствуя, как сердце начинает биться где-то у горла. — Просто мне очень срочно были нужны деньги, а Вика хотела машину. Я продала ей за копейки дорогой автомобиль. И ей хорошо, и мне. Я уехала из города на вырученные деньги.

— Далеко не уехала, — отрезал он. — А Вику ты серьёзно подставила.

— Её уб-убили? — Голос Аиды сорвался. Она ощутила, как глаза стремительно наполняются слезами — горячими, обжигающими. Какая же она дура! Как сможет теперь жить с таким грузом на совести?

— Нет, не убили. — Филипп помолчал, словно взвешивая слова. — Но Булат подмял твою подругу под себя.

— Ты же подполковник ФСБ, — всхлипнула Аида, с надеждой глядя на него. — Почему ничего не сделал, чтобы помочь Вике?

— Потому что я не обязан отчитываться перед тобой о методах моей работы, — его слова прозвучали весьма грубо, даже жестоко.

— Я ничего такого не хотела, — прошептала она, всхлипывая. Слезы текли по щекам, и она даже не пыталась их вытереть. — Я ведь не знаю этого Булата. Так... видела пару раз. Мой отец с ним давно на ножах. Но я не имею отно-

шения к делам отца. Не хочу иметь ничего общего со всем тем дерьмом, в котором он с таким наслаждением плавает. Я не хотела быть объектом мести для Булата. Не хотела, чтобы папа распорядился моей жизнью по своему усмотрению.

— Я слышал, что папочка тебе жениха из ваших присмотрел. — Филипп произнёс это так, будто брезговал каждым словом.

— Из наших? — не поняла Аида.

— Вашей национальности. — Он сделал шаг вперёд, нависая над ней. — Я выяснил, кто он такой. Такой себе Джамал Алханов. Ты ведь слышала о нём?

Аида кивнула, опуская голову вниз, чтобы он не увидел её глаз. Об Алханове она была наслышана от отца. Папа его всё время нахваливал, повторяя, что Алханов — выгодная партия, что лучшего мужа Аиде не найти.

Только вот этот восточный мужчина наводил ужас и панику на неё одним лишь своим видом — тяжёлым, властным, не терпящим возражений. Джамал старше её на тринадцать лет. И Аида совершенно не стремилась обзаводиться таким мужем — холодным, расчётливым и чужим.

— Аида, я задал вопрос! — его голос резанул, как по живому.

— Слышала, — выдавила она. — Папа хотел, чтобы я и Джамал поженились.

— И тебе эта идея не пришлась по вкусу? — В его тоне послышалось что-то похожее на усмешку.

— Нет.

— Но отцу ты об этом не сказала. — Филипп выдохнул, начиная кое-что понимать. — Побоялась. Просто сбежала.

— Я не собираюсь перед тобой душу раскрывать. — Аида подняла голову, глядя ему прямо в глаза с вызовом, за которым пряталась боль. — Ты — похититель. Ты — продажный мент. Зачем я тебе? На доброго дяденьку, спасающего девочек от их обидчиков, ты уж никак не смахиваешь, подполковник. Так что же тебе нужно от меня? Решил использовать меня, чтобы свести счёты с моим отцом? Что именно ты с ним не поделил? У отца много врагов. И ты — один из таких. Даже не сомневаюсь. Поэтому у меня нет причин верить тебе. Ни одной.

Филипп не стал отвечать на её вопросы — лишь развернулся, метнулся к углу, подхватил с пола какой-то пакет и, не раздумывая, грубо швырнул его в девушку.

— Что это? Да ты просто хам! Как ты смеешь так нагло со мной обращаться? — возмущение вырвалось из неё раньше, чем она успела подумать.

Филипп заметил ярость, вспыхнувшую в глазах девушки, — она полыхала там, как сухой хворост в костре. Неудивительно. Он ни на секунду не забывал, чья она дочь.

— Это то, что ты сейчас наденешь. На улице мороз, Аида. Я надеюсь, что тебе в этом будет комфортно, — сказал он ровно, хотя внутри уже начинало закипать раздражение.

Девушка обдала мужчину обжигающим взглядом — таким, что могла бы испепелить на месте, если бы умела. Затем сложила руки на груди и вздёрнула подбородок повыше, словно собиралась смотреть на него сверху вниз, даже будучи ниже ростом.

— Мне плевать, что именно находится в этом пакете. Я ничего из этого не надену.

— Серьёзно? — Он уже начал злиться, и голос его стал жестче, как натянутая струна. — В таком случае, дочь Сафарова, тебя одену я.

— Только посмей прикоснуться ко мне своими грязными

руками, продажный мент! — прошипела она дикой кошкой, загнанной в угол и готовой рвать когтями.

— Неправда. Руки у меня чистые, — возразил он с ледяным спокойствием, которое само по себе было оскорблением. — Как раз недавно мыл их. Даже с мылом. Так что, Аида, тебе повезло.

Филипп приблизился к ней, вытряхнул содержимое пакета на постель и принялся небрежно копать в ворохе тряпок, словно на рынке среди барахла.

Подцепил пальцами трусики и бюстгальтер — кружевные, нежно-розовые, совсем новые — и кинул их Аиде в руки. Затем показал на футболку и тёплый махровый свитер. Ещё здесь были лосины на меху, мягкие, как пух.

— Я не буду надевать этот набор нижнего белья, — произнесла она с ледяной усмешкой. — Где ты его отрыл? На помойке? В комиссионке? Или снял с очередной девки, которую задержал или похитил?

Она говорила агрессивно, каждый звук был как удар хлыста, но под этой агрессией явно klokотало что-то другое — страх, унижение, бешенство от собственного бессилия.

— Ты сейчас сходишь в душ, Аида. Приведешь себя в порядок. И наденешь чистые вещи, — терпеливо процедил Филипп, хотя терпение его уже подходило к концу, как песок в часах.

— Ты издеваешься надо мной? По-твоему, я грязнуля? Мне не...

— Там, куда мы с тобой сейчас отправимся, Аида, не будет душа, — перебил он, и голос его прозвучал жёстко, без единой возможности возражения. — Переодеться не сможешь, потому что и сменного белья не будет. Поэтому помойся здесь и переоденься. Сама. Иначе тебе помогу я.

— Ты не мент, подполковник, — снова зашипела она, но теперь в шипении её слышалась уже не столько злость, сколько отчаяние, приправленное ненавистью. — А маньяк неадекватный. Я слышала о том, что несколько месяцев назад в городе исчезали девушки. Ясно теперь, кто к этому руку приложил.

— Если бы я был маньяком, Аида, — он усмехнулся уголками губ, но глаза остались холодными, — то уже использовал бы тебя по прямому назначению. А после порешил и выкинул бы где-нибудь в лесочке. Тебе так не кажется?

— Отпусти меня, — голос её дрогнул, но она взяла себя в руки. — Я требую, чтобы ты меня отпустил.

— Не могу, — ответил он просто, как о чём-то само собой разумеющемся, шагнул почти вплотную и потянул руки к кофте девушки.

— Не прикасайся! — взвизгнула она, а после тут же застонала, когда крик болью отозвался в висках, ударил по затылку, расколол голову на части.

— Я тебя предупредил, — строго процедил он, но руки всё же убрал.

Аида с ненавистью уставилась на своего похитителя. Не

хотела подчиняться. Нельзя, чтобы этот гад торжествовал. Но она всего лишь слабая женщина — голова раскалывается, тело ватное, сил нет ни на что. Напасть на него и вырубить явно не сможет.

А он ведь решительно настроен выполнить все свои угрозы — это читалось в его жёсткой челюсти, в прямой спине, в том, как он смотрел на неё сверху вниз. Не хватало ещё, чтобы этот похотливый тип её раздевал, мыл и потом трусы на неё надевал. Большого позора и унижения она и представить себе не могла.

— Ладно, нахал озабоченный, — выдохнула она, чувствуя, как горят щёки от стыда и злости. — Я переоденусь. Ты пользуешься своей физической силой перед слабой женщиной. Знаешь, что я не смогу ничего сделать, ведь ты сильнее. Но когда ты встретишься с людьми моего отца, я посмотрю, каков ты храбрец, фрайер!

— Меньше болтай, Аида, — ответил он устало, словно повторял это в сотый раз. — Вижу, что язык — это единственная мышца в твоём теле, развитая совершенно. Твоё мнение о себе я уже услышал. И знаешь что...

— Что?

— Мне на него плевать. Глубоко. Далеко. С самой высокой колокольни. По хрену, — раздельно, почти по слогам, произнёс он, и каждое слово было как пощёчина. — Так ясно?

— А ты ещё и грубиян, — прошипела она в ответ, хотя

внутри всё сжалось от такой уничтожающей безразличности. — Впрочем, чего можно ожидать от продажных погонов?

— Проклятье! Вот же су... — Он схватил её за руку и сжал запястье так сильно, что девушка застонала сквозь зубы. — Ты целью задалась вывести меня из себя?

— А ты не выводись из себя! — прохрипела она, морщась от боли, но продолжая с вызовом смотреть в его потемневшие, почти чёрные глаза. — Что же, мент, ты так слаб на нервишки-то, а? А где же твоя пресловутая ментовская выдержка? Хотя, судя по тебе, ты о такой даже не слышал. А иначе не занимался бы разбоем и похищением невинных девушек.

— Это ты-то невинная? — Он убрал руки, чувствуя, что ещё секунда — и он действительно наделает глупостей. — Змеюка с ядовитым языком.

— А ты... ты оборотень в погонах, — ответила она тише, но не менее зло.

— Всё-ё-ё высказала? Или твой словесный понос не закончился? — Филипп уже едва держал себя в руках — пальцы сжимались в кулаки сами собой. Но он понимал девушку. Словами она компенсирует панику и страх — это было видно невооружённым глазом.

Похоже, подобное поведение служит ей неким защитным рефлексом, броней, за которой она прячет свою слабость. Был бы он мразью, так уже давно нашёл бы чем заткнуть грязный девичий рот и найти ему занятие поинтереснее. Или

мог бы напугать, ударить, даже избить, чтобы шёлковой стала. Но он точно не опустится до подобной низости — не ради неё, ради себя самого.

Аида опустила голову, часто задышала — судорожно, прерывисто, как загнанный зверёк. Она отчаянно боролась со слезами, но они всё равно душили её, подкатывали к горлу горьким комком.

— Отвернись, — выдавила она глухо. — Я не могу переодеваться, когда ты смотришь на меня.

— В ванной переоденешься, а я постою у двери, — тут же ответил он, даже не думая уступать.

— Тебе это просто так с рук не сойдёт, мент, — она встала с кровати, подхватила вещи, прижала их к груди, как щит, и посмотрела на мужчину с такой ненавистью, что, кажется, воздух между ними затрещал. — Где здесь ванная?

— Идём, проведу.

Аиде пришлось следовать за мужчиной. Они вышли в какой-то длинный, плохо освещённый коридор, прошли вперёд, завернули за угол. Здесь находилась примитивная ванная комната — кафель выцвел, зеркало запотело по углам, но было относительно чисто. Хорошо хоть так.

— Дверь не закрывается! — резко произнесла Аида, дернув ручку.

— И что? — спокойно ответил он из коридора. — Иди и молча купайся.

— Ты ждёшь, чтобы я разделась, а после ввалишься ко

мне? — в голосе её снова прорезалась язвительная усмешка, хотя сердце колотилось где-то в горле.

— Если ты меня позовёшь, Аида, то непременно ввалюсь, — ответил Филипп почти лениво, прислоняясь к косяку. — Отказывать в таком тебе я точно не стану.

— Да я проще удавлюсь, чем позволю тебе ко мне прикоснуться, — выплюнула она, и в голосе её была такая искренняя, неподдельная ненависть, что он почти поверил.

— Что же, у нас это взаимно, — ответил он холодно. — Мне проще застрелиться, чем прикасаться к отродью Сафарова. А теперь, Аида, пошла в ванную. Иначе я сам тебя туда засуну.

Аида неохотно приняла тёплый душ — вода ласково стекала по плечам, но не приносила облегчения. Всё время, пока мыльные разводы смывались с тела, она бросала опасливые взгляды на дверь, за которой застыла тишина: боялась, что этот маньяк вломится с минуты на минуту.

Сердце колотилось где-то в горле, пальцы дрожали, но её опасения оказались напрасными — никто не вторгся, никто не распахнул дверь с рывком. Одевшись — наспех, кое-как, лишь бы прикрыть наготу, — она вышла из ванной. И сразу же оказалась в крепкой мужской хватке: железные пальцы сомкнулись на её запястье, не больно, но неотвратимо.

Не говоря ни слова, Филипп едва ли не потащил девушку за собой — широкие шаги, никаких объяснений, только глухая решимость в каждом движении. В коридоре сунул ей в руки куртку, шапку и сапожки.

— Одевайся, Аида.

— На прогулку меня поведёшь? — голос сочился ядом, хотя внутри всё тряслось мелкой дрожью. — Словно домашнего питомца?

— Если тебе так угодно, — тон спокойный, почти ленивый, но глаза говорят иное. — А теперь делай то, что сказал. И да: как выйдем на улицу — не вздумай голосить. Иначе мне придётся снова заткнуть тебе рот, вырубив. Не уверен,

что твоя голова это выдержит.

Аида послала ему злой взгляд — такой, каким жгут врагов в последней надежде уязвить. Молча оделась. Не могла не подчиниться: в ней боролись гордость и животный страх, и страх побеждал с каждым ударом пульса.

Не хватало ещё, чтобы он силой упаковал её в куртку — а он ведь всё сделает так, как задумал. Здесь не осталось сомнений. Непокколебимая решимость сверкала в его карих омутax, как лезвие ножа в сумерках.

Филипп вывел девушку на улицу — морозный воздух ударил в лёгкие, обжёг щёки. Сразу же затолкнул на переднее сиденье своей машины, даже не глядя, удобно ли ей, даже не придерживая дверь. Сам сел за руль.

От того, как резко машина сорвалась с места — с рёвом мотора и визгом шин по мёрзлой земле, — спину Аиды на мгновение вжало в спинку сиденья, дыхание перехватило.

— Куда ты везёшь меня, маньяк? — выдохнула она, цепляясь пальцами за край сиденья.

Филипп был слишком сильно поглощён собственными мыслями, чтобы обращать внимание на девичий лепет — взгляд вперёд, челюсть сжата, пальцы мертвой хваткой на руле.

Не услышав ответа на свой вопрос, Аида стукнула Филиппа кулаком по бедру — отчаянно, по-детски, понимая, что это глупо, но уже не в силах сдерживаться.

— Не смей игнорировать меня. Я имею право знать, куда

ты везёшь меня.

— Узнаешь, Аида, — голос тихий, почти ласковый, от чего становится ещё жутче. — Позже. Как приедем, так сразу же и будешь осваиваться на новом месте.

— Я никому не позволю распоряжаться мной! — выкрикнула она, и в голосе дрогнула истеричная нота. — Я подам на вас в суд, подполковник! Если вы не знаете, что силой таскать за собой девушек — это преступление, то вам на суде популярно объяснят.

— А ты правда думаешь, что тебе позволят подать на меня в суд?

— Будешь мешать мне?

— Не я, Аида. Безбашенный тебе помешает. Или твой папаша, — он выдерживает паузу, наслаждаясь тем, как её лицо меняется. — Ты, кстати, можешь выбрать любого из них. Если хочешь, я прямо сейчас отвезу тебя к Булату или папашке твоему! Будешь свободна. Так как? — Филипп бросил на неё беглый взгляд — колючий, испытывающий, — после снова переключился на дорогу.

Девушка тут же изменилась в лице: щёки побелели, губы сжались, а Филипп заметил, как вся спесь с неё мгновенно слетела — будто сдули пыль с хрупкой вещи.

— Так как? — повторил он, чуть наклонив голову. — К кому из этих двоих тебя везти?

— Не нужно меня везти ни к кому из них, — выдавила она, глядя в боковое стекло.

— То есть ты теперь не желаешь со мной расставаться?
— ухмыльнулся гад — медленно, со вкусом, как кот, дорвавшийся до сметаны.

— Я мечтаю об этом, — огрызнулась, но уже без прежнего огня. — Останови машину — и я уйду.

— В таком виде? — он повёл бровью, окидывая её быстрым взглядом. — В мороз? Без денег? Прости, но ты ласты склеишь, а виноват в этом буду я.

— А ты так сильно волнуешься обо мне? — в голосе мелькнуло что-то похожее на издевку, но очень хрупкое.

— Да мне всё равно, — отрезал он. — Но я не желаю, чтобы твоя кончина была на моей совести. Мне и так хватает груза.

— А ты такой совестливый? — Аида почти усмехнулась, хотя внутри всё дрожало. — Так печёшься о чистоте своей души?

— Я не отвезу тебя ни к отцу, ни к Булату, — Филипп произнёс это медленно, по слогам, чтобы врезалось в память. — А ты, девушка, больше не смей говорить, что я увожу тебя силой. Ты вообще должна быть мне благодарна. Под моей крышей к тебе никто не дотянется своими длинными руками — ни тот, ни другой, ни третий.

Аида хмурилась, часто дышала — воздух вырывался из груди короткими горячими толчками, — кипя от злости, которая не знала выхода. Но не спешила возражать мужчине. Меньше всего желала бы сейчас оказаться в лапах Булата или

отца — там её ждала не просто клетка, там её ждала смерть души раньше, чем тела.

Что бы ни задумал этот маньяк, он не сделает с ней ничего более страшного, чем Булат или тот, которому задумал отдать её отец. Это знание — холодное, циничное — вдруг принесло почти облегчение.

— Вот и ладненько, Аида, — кивнул Филипп, точно прочитав её мысли. — Погостишь у меня какое-то время — в наших с тобой общих интересах, — а после разбежимся.

— И как долго я буду вынуждена гостить у тебя? — спросила она тихо, глядя на дорогу, которая убегала вперёд. — И самое важное, подполковник: с какой целью? Для чего я тебе?

— Уже объяснял. У меня есть счёты с твоим отцом, — ответил коротко, жестко, отсекая дальнейшие расспросы.

Машина выехала за город — фонари кончились, дорога стала уже, по бокам полезли тёмные силуэты деревьев и редкие дома. Остановилась в небольшом селе, на улице, где даже собак не слышно. Ворота невысокие, покосившиеся.

Дом приличный, но маленький — словно игрушечный в этой давящей тишине. Аида не спешила выходить из авто. Здесь было как-то жутковато — не так, как от опасности, а так, как от заброшенности и забытых чужих трагедий.

— Где мы? — её голос сел до шёпота. — Это твой дом?

— Нет, — Филипп заглушил двигатель, и тишина накрыла их с головой. — Дом принадлежал моей знакомой.

— Ты её убил и отжал имущество себе? — вырвалось у Аиды прежде, чем она подумала — просто нервы сдали, и рот заговорил сам.

— Не угадала. Нет, — он даже не обиделся. — Женщина была матерью моей невесты.

— У тебя есть невеста? — тут же спросила она, не сразу уловив смысл сказанного — слишком быстро сменился глагол.

— Больше нет.

— А где она?

— А ты всегда так в душу лезешь бесцеремонно, Аида? — устало спросил Филипп, глядя на свои руки, лежащие на руле.

— А ты не тот мужчина, с которым стоит церемониться. Так где твоя невеста, подполковник?

— Нет её больше в живых, — выдохнул он.

— Мне очень жаль, — тихо сказала Аида, и впервые за всё это время в её голосе не было ни яда, ни страха — только тихая горечь чужой боли.

Он лишь пожал плечами. Скривился — так кривятся, когда внутри что-то зажило грубым рубцом, но дотрагиваться до него всё равно больно.

— Ты её очень любил? — спросила она почти шёпотом.

— Сначала — да, — он помолчал. — А после — нет.

— Я не понимаю. Это как? Как она погибла?

— Она не погибла, Аида, — Филипп резко посмотрел

на девушку, меняясь в лице — в одно мгновение из усталого человека превратился в хищника, застигнутого врасплох. Сжал губы с такой силой, что они не просто вытянулись в тонкую линию, но и побелели, стали почти невидимыми на бледном лице.

— Ты же сказал, что её нет в живых. И тут же сам себе перечешишь... Я не понимаю, — она растерянно моргнула, чувствуя, как по спине ползёт холодный пот.

— Её убили, — произнёс он глухо, с каким-то мрачным торжеством самоуничтожения.

— О! Мне жаль, — Аида почувствовала себя неловко — тяжело, липко, как в чужом трауре, куда её впустили случайно и тут же пожалели. Ещё и под таким сканирующим её мужским взглядом, который не обещал ничего хорошего. — Кто её убил? Ты отомстил за неё, да?

Филипп посмотрел на неё долго — секунду, другую, третью. Глаза его потемнели, стали почти чёрными.

— Её убил... — он замолчал, и в этой паузе можно было уместить целую жизнь. — Я, Аида.

Девушка резко дёрнулась, ударившись локтем о подлокотник, и тут же вжалась в противоположную дверцу авто, сжалась в комок, готовая защищаться или молить о пощаде — она сама не знала.

Вот теперь ему удалось её по-настоящему испугать — не угрозами, не грубой силой, а этой короткой признательной фразой, за которой угадывалась бездна. Он точно маньяк. И

её теперь убьёт. Или что похуже — сначала заставит слушать.

Филипп заметил, как девушку испугало его внезапное признание — до дрожи в пальцах, до побелевших скул. И плевать. Пусть теперь считает его кем хочет — хоть мерзавцем, хоть маньяком, хоть хладнокровным убийцей. Перед дочкой Сафарова он отчитываться не станет, даже если та упадёт в обморок прямо здесь, в тесном салоне машины.

— Да и вспоминать былое — не сахарная вата, а сплошная горечь на зубах. Никогда не забудет, как чуть не лишился жизни из-за того, что потерял голову от женщины, которая гадкой, хитрой змеей проползла в его судьбу, обвилась вокруг сердца и сжала так, что хрустнуло. Хватит с него дочек бандитов — красивых, опасных и лживых, как змеиный шепот. Второй раз на те же грабли — увольте. Смерти подобно.

— Не зажимайся ты так, Аида. Тебя я убивать не планирую. Пока что, — он скривил губы в усмешке, но глаза остались холодными, отвернулся к окну, где за стеклом плыл чужой неласковый город, и бросил сквозь плечо: — Выдохни. Бежать тебе всё равно некуда.

Аида перестала дрожать — во всяком случае, мелкая противная дрожь утихла, сменившись настороженным, колющим вниманием. Она вгляделась в мужчину, в его профиль, в то, как туго сжаты челюсти. И в его взгляде — коротком, случайном, когда он всё же повернулся — отразилась такая глу-

бокая, такая древняя, нечеловеческая боль, что её невозможно было не заметить. Даже черты лица исказились, словно от немой, беззвучной муки.

Аида выдохнула — долго, до самого дна лёгких. Похоже, она сделала преждевременные выводы. Перед ней — подполковник ФСБ. И за годы службы он несомненно отбирал у людей жизнь. Случайно, специально или вынужденно — какая разница? — но отбирал. И носит это в себе так же естественно, как носят старую рану, которая ноет к непогоде.

— Мы уже приехали. Хватит сидеть, — Филипп сжал рукой дверцу авто, намереваясь открыть, и в этом движении было столько усталой брезгливости, будто он устал не просто торчать в машине, а устал от всего — от жизни, от людей, от самого себя. — Хватит.

— Постой, — Аида и сама поразилась собственной смелости, когда схватила его за руку — горячую, живую, с тугими жилами под пальцами.

Филипп медленно — очень медленно, так смотрят на внешне-опасную опасность — перевёл взгляд на девичьи пальцы, вцепившиеся в его предплечье. Почему-то ему казалось, что она и дальше будет трястись от ужаса, вжиматься в сиденье и молить о пощаде. И уж точно не станет к нему прикасаться по своей воле.

— Ну? — фыркнул он, но руку не отдернул. Застыл, как хищник, которому вдруг стало любопытно.

— Как так вышло, что ты убил свою невесту? — спросила

Аида тихо, почти шёпотом, но в этом шёпоте слышалась не провокация — растерянное, детское желание понять.

— Ты серьёзно хочешь это обсудить? Или мне на практике показать? На тебе... к примеру, — он растянул слова, каждое из которых было как пощёчина.

Аида заметила в его глазах нечто странное. Какое-то нечитаемое, тягучее, темное выражение — будто он смотрит сквозь неё, сквозь время, сквозь собственную боль. Но именно это «нечто» сказало ей о многом. Больше, чем любые слова.

— Почему ты пытаешься меня запугать? Если бы хотел убить — уже убил бы. Только что. Вот здесь, — она кивнула на тонированное стекло. — Но ты позаботился о вещах для меня. Чтобы мне было тепло. Если бы тебе было плевать, ты бы не заморачивался, а просто вышвырнул меня голую в лес. Твои действия не характеризуют тебя как убийцу. Кроме того, ты подполковник.

— А ты, девушка, как я погляжу, резко пластинку сменила? — в его голосе проскользнула усмешка — горькая, как полынь. — Ты хоть для себя определись: кем ты меня считаешь — маньяком или рыцарем в сверкающих доспехах?

— Я не считаю тебя ни тем, ни другим. Ты просто мужчина, который пользуется должностными полномочиями в личных целях. А ещё ты используешь женщин, чтобы добиться желаемого. Ты не джентльмен. Но мне кажется, что и до убийцы тебе далеко. Убийца не станет покупать женщине

тёплую кофту.

— Ты ничего обо мне не знаешь, Аида. Ничего. И не узнаешь.

— В доме моего отца я видела многих мужчин, Филипп. И не только мужчин — женщин тоже. Я наблюдала, как папа с ними обращался — как резал по живому, как давил, как забирал последнее. В глазах гостей отца отражались самые разные эмоции — страх, ненависть, жадность. Но ни один из тех людей, которые вертелись вокруг, не приходил к нему по своей воле. Они были с ним, потому что были вынуждены.

— Вынуждены?

— Да. У каждого в жизни бывают свои обстоятельства, Филипп — скелеты в шкафу, долги, больные дети, грехи молодости. И ты не похож на большинство отморозков, шатающихся рядом с моим отцом. Ты... другой.

— Твой отец, Аида, — самый главный отморозок. И точка.

— Я в курсе. Поэтому я и ушла от него — в никуда, без денег, без крыши, лишь бы не видеть этого лица. Папа любит меня. Но я не его собственность. И ему придётся принять этот факт. Рано или поздно.

Филипп с интересом посмотрел на девушку — долгим, изучающим, почти раздевающим взглядом. Похоже, первая волна истерики схлынула, ушла в песок, и теперь Аида включила голову, начала рассуждать более здраво, чем иные его сослуживцы после трёх суток без сна.

— Пошли в дом, Аида.

Девушка пожала плечами. Возражать не стала, но в этом пожатии было столько скрытого достоинства, что Филипп на мгновение замер. Однако ему показалось — или только показалось? — что она что-то задумала. Покорность её — явно напускная, дешёвая маска для дураков.

— Входи, — он распахнул перед ней дверь в дом, и петли жалобно скрипнули, будто не открывались годами.

Аида шагнула внутрь, осмотрелась — сначала медленно, потом быстрее, вбирая каждую деталь. Странно здесь. Всё кажется заброшенным, нежилым, словно жизнь ушла отсюда вместе с последним хозяином. Пыльно. Неуютно. Обстановка какая-то скудная, аскетичная, как в казарме или в тюремной камере. Хорошо хоть необходимая мебель имеется — кровать, стол, два стула.

Филипп прислонился к дверному косяку, скрестил руки на груди, лениво наблюдая за Аидой, которая принялась изучать жилище с видом ревизора на незапланированной проверке.

Девушка распахнула двери в обе комнаты — здесь их было всего две, маленькие, с низкими потолками. Заглянула в ванную, на кухню — поморщилась от запаха сырости и старых тряпок. Потом вернулась к мужчине, встала напротив, глядя снизу вверх.

— Скажи, а мать твоей покойной невесты была малообеспеченной? Как так вышло, что этот дом стал твоим? Или

мать девушки, которую ты убил, в знак благодарности отдала тебе дом? Не поверю. Это пахнет бредом.

— Верь... или не верь... Мне всё равно, Аида, — его голос стал тихим и отстранённым, как у человека, который уже столько раз объяснял очевидное, что язык просто отказывается шевелиться. — Разве ты этого ещё не поняла?

— Я действительно... я просто ничего не понимаю, — призналась она, и в голосе прорезалась усталость.

— Ты в своей жизни разберись — в той, от которой сбежала. А меня тебе и понимать не стоит. Себе дороже.

— И как долго я буду жить в этой халупе? — Аида обвела рукой стены.

— Какое-то время. Не больше месяца, как мне кажется.

— Месяц? В такой дыре? Да здесь даже душа нормально-го нет, Филипп. Как купаться? Ни колонки, ни бойлера, ни кабинки нормальной...

— Зато есть газовая плита и кастрюля. Нагреешь воду — выльешь в тазик. Разбавишь холодной. Мне и дальше объяснять тебе принцип, как именно предстоит мыться? Или сама сообразишь, девочка из богатой семьи?

— Ты издеваешься, да? Это же прошлый век. Средневековые какое-то.

— Так думаю, прошлый век лучше, чем быки Безбашенного, которые все сразу и одновременно засунут свои члены во все имеющиеся у тебя дырки. Хочешь проверить?

— Ты... хамло, подполковник, — она брезгливо помор-

щилась, но в голосе проскользнула уже не паника, а злость — живая, горячая, почти родная.

— Всё сказала? — прошипел он, сверля её взглядом, в котором застыл лёд.

— Нет. На кухне нет ничего. Ни крупы, ни хлеба, ни чая. И белья свежего нет.

— Постираешь. Порошок имеется. Вон там, в углу, — он кивнул на коробку, припорошённую пылью.

— Но стиральной машины нет.

— Ручками, Аида. Как наши бабушки стирали. До тебя доходило?

— Ты решил окончательно меня с ума свести?

— Слушай, скажи мне спасибо — и захлопнись уже, — он развернулся к выходу, и это движение было таким резким, что Аида вздрогнула. Он просто изумил девушку своей холодной жестокостью.

— Стой! — она снова подскочила к нему, не успев даже подумать, и вцепилась в рукав куртки. Пальцы побелели от напряжения.

— Что ещё? Тебе не надоело цепляться за меня, милая? — он даже не повернулся, только голову склонил набок.

— Я тебе не милая. Ты куда, а?

— Ухожу. Ты глухая?

— К-как это — уходишь? Куда?

— Не помню, чтобы должен был перед тобой отчитываться. Или ты хочешь меня на ночь оставить при себе? Только

не обольщайся, шалавам постель не грею, даже если очень просят.

— Но... Стой же ты! — она явно начала паниковать заново, голос дрогнул, превратившись в тонкий, жалобный звон. — А как же я? И я не шалава, чурбан ты гадкий, не смей меня так называть.

Филипп видел, как расширились её глаза — тёмные, испуганные, влажные от подступивших слёз, которые она изо всех сил сдерживала. Она и правда боялась. Не притворялась. Не играла. Боялась до дрожи в коленях.

— А что ты? Останешься в этом доме. Завтра утром приеду — привезу еды и кое-что из одежды. За «шалаву»... извини. Погорячился. Но ты умеешь доставать, — он усмехнулся уголком рта, и в этой усмешке мелькнуло что-то почти человеческое.

— Ты оставишь меня одну? Совсем одну? В этом склепе?

— Да.

— И не боишься, что я сбегу?

— Не сбежишь. Дверь будет плотно закрыта. А на окнах — решётки, как в тюрьме.

— И ты думаешь, что эта хлипкая дверь меня удержит? Я выбью её ногой.

— Если сбежишь — сразу попадёшь в лапы или к Булату, или к своему отцу. И ты не можешь этого не понимать, — его голос стал жёстким, почти стальным, без единой нотки сомнения. — И тогда никакая дверь тебя уже не спасёт. Вы-

бирай.

— А ты такой благородный? Спасает меня от них, как принц на белом коне? Что тебе от меня нужно?

— Кое-что нужно, — сказал он уже от порога, не оборачиваясь, и в этом «кое-что» было столько скрытой угрозы, сколько бывает в тишине перед выстрелом. — Не от тебя. От твоего отца.

Дверь захлопнулась, и в тишине дома гулко щёлкнул замок. Аида осталась одна — среди пыли, решёток и чужих теней.

— Саид, ты меня уже третий день туфтой кормишь! И мне это реально надоело, — Джамал Алханов с глухим ударом припечатал ладони к столешнице, подался корпусом вперед, вонзаясь взглядом в глаза собеседника. — Я неделю назад прилетел в этот город, но невесту мою ты мне так и не представил. В чём дело?

Саид медленно поднялся из-за стола. Приход Джамала не застал его врасплох — слишком уж настойчиво мужчина осаждал его звонками последние сутки, оборвал весь телефон. Упрямства Алханову не занимать: этот не успокоится, пока не получит желаемое, будет рыть землю носом, но добьется своего.

В эту самую секунду Сафаров с такой силой сжал подлокотник кресла, что побелели костяшки. И думал только об одном: придушил бы собственную дочь собственными руками. Сколько раз он ей твердил: будь готова, жених на подходе, не позорь отца, веди себя достойно. И чем ответила Аида?

Удрала, паршивка. Исчезла в неизвестном направлении, даже записки не оставила. Куда? Зачем? С кем? И главное — где её теперь искать?

— Саид, я вопрос тебе задал! — Голос Джамала сочился металлом. — Не люблю, когда меня кидают. Ты обещал от-

дать дочь мне. Я заплатил тебе. Пошел на уступки в нашем общем деле. — Он едва ли не прожигал в собеседнике дыру — таким тяжелым, пронзительным был взгляд. — Так что ответишь?

Саид прищурился, и внутри всё сжалось. Крыть было нечем. Джамал прав — как бы ни хотелось выкрутиться, факты оставались фактами. Мужчина выполнил договор до последней запятой. И пошёл на всё это ради одного: заполучить Аиду.

Аиду — красивую, свежую, как утренний цветок, девочку. Саид прекрасно знал: Джамал запал на неё ещё два года назад, с той самой случайной встречи в ресторане. И теперь решил забрать то, что давно считал своим по праву.

— Проблемы у меня, Джамал. Непредвиденные, — осторожно начал Саид, лихорадочно перебирая в голове варианты, как бы выставить эту ситуацию в свою пользу. Только бы не проговориться, что Аида сбежала сама. Нельзя. Иначе дочке придётся очень плохо, когда она попадёт в лапы к этому женишку. Джамал не прощает унижений — он отомстит за такую выходку жестоко, изошренно, и будет считать себя абсолютно правым. Но и вредить Аиде Сафаров не хотел. Дочь он любил, как умел. Желал ей самой лучшей доли. И был свято убеждён: лучшего мужа, чем Джамал Алханов, Аида не найдёт ни за какие ковры.

— Какие ещё проблемы? — Джамал подался вперёд, и в его голосе зазвенела сталь. — Дочь твоя где? Это всё, что

меня интересует. Приведи ко мне Аиду. Сыграем свадьбу в течение недели. А после я и моя молодая жена уедем. И целый месяц ты меня не увидишь, Саид. — На его лице проступила холодная, хищная ухмылка. — Даже не нарисуешь.

— Проблема в невесте, — процедил Саид сквозь зубы, чувствуя, как противно ноет затылок от напряжения. — Как раз её я и не могу тебе предоставить.

— Это как? — Джамал нахмурился, и в его глазах зажглось недоброе подозрение. Алханов не терпел даже намёка на игру с ним. Чужая ложь для него была хуже удара ножом — потому что удар он мог отразить, а ложь разъедала изнутри.

Саид прекрасно понимал, о чём именно сейчас думает собеседник. Видел каждую тень на его лице, каждый едва заметный спазм желваков.

— Аиду похитили, — выдохнул Саид с таким видом, будто сам боялся этих слов. И надеялся, что лжёт правдоподобно. Достаточно правдоподобно, чтобы Джамал не бросился проверять немедленно.

— Чего? — Глаза Джамала распахнулись шире — на мгновение в них мелькнуло что-то почти человеческое, почти уязвимое. — Кто похитил? Когда?

— Не знаю я! — резко ответил Саид, подключая всю свою актерскую натуру, вкладывая в голос злость и боль. — Пропала Аида. Мои люди её везде ищут, каждый закоулок обшарили.

— Когда она пропала?

— Два дня назад.

— И ты только сейчас мне об этом говоришь? — В голосе Джамала прозвучало что-то опасное, низкое, как рык перед прыжком.

— Я планировал собственными силами дочь разыскать, — Саид опустил взгляд, делая вид, что его душит стыд, — но теперь вижу — быстро может и не получиться. Слишком много темных углов в этом городе.

— Я сам найду мою невесту, Саид. — Джамал произнёс это спокойно, но в этом спокойствии было что-то жуткое. — А ты сейчас же расскажешь мне всё, что тебе известно о похищении девушки. Каждую мелочь. Каждое имя, каждую улицу.

— Мало что известно, Джамал. — Саид сжал челюсти до хруста, и в голове уже созревала картина: как он собственноручно нашлапает Аиду, как выпорот ремнем за эту выходку, когда та попадётся ему в руки. — Я не знаю, кому могла понадобиться моя дочь. Врагов у меня много, но до такого... — Он не договорил. Так подставила родного отца. Так подставила — хуже не придумаешь.

Джамал заходил кругами по кабинету — тяжело, как зверь по клетке. Руки сжаты в кулаки, желваки ходят ходуном, яростные взгляды он бросал на Саида через каждые два шага. Совсем не так он представлял себе события ближайших дней.

Вместо того чтобы наслаждаться молодой женой, вдыхать запах её волос, сжимать в ладонях тонкую талию, он будет вынужден искать её по всему городу. Как пёс — сучку.

И в каком состоянии она вернётся к нему?

Если девушка не будет невинной — всё. Он не женится на такой женщине. Ни за что. Позор перекроет любые деньги. Даже если Саид вернёт ему вдесятеро больше, даже если подарит полгорода — осадок останется. Невозможно будет смотреть на неё и не вспоминать, что кто-то другой прикасался к ней первым.

Саид прекрасно понимал всё, что сейчас творилось в голове у Джамала. Каждая мысль Алханова отражалась в его сознании, как в кривом зеркале, и от этого становилось душно. Он надеялся, наделся из последних сил, что за это время Аида не натворит глупостей. Но безумное, липкое, как смола, волнение не отпускало.

Аида красивая, наивная, совершенно беззащитная. Она осталась совсем одна — без денег, без крыши над головой, без мужской руки, которая могла бы защитить.

Да любой, самый последний проходимец, может воспользоваться такой девочкой. И неважно, что Саид лично кастрирует того, кто посмеет к ней притронуться своими погаными руками. Неважно, потому что это не вернёт Аиде невинность. Не вернёт её чистое имя. Не заставит Джамала смотреть на неё прежними глазами.

Думать о таком не хотелось. Страшно было даже краем

сознания касаться этих картинок — иначе они повлекут за собой большие проблемы. Такие проблемы, что голова пойдёт кругом.

— Саид, я заплатил тебе до черта бабла, — голос Джама-ла вдруг стал тихим, вкрадчивым и оттого ещё более страшным. — Подписал те чёртовы бумаги, которые ты просил у меня по застройке нового комплекса. — Он остановился, задрал подбородок, и весь его облик вдруг стал хищным, опасным. — И всё это я сделал лишь по одной единственной причине: уже считал тебя моим родственником. Но ты же понимаешь... — тон его перешёл в угрожающий шёпот, — я не потерплю, если моя невеста вернётся опороченной. Тебе придётся возместить мне все убытки, которые я понесу при таком раскладе. Ты вернёшь мне всё, что я тебе дал. До последней копейки. До последней подписи.

Саид напряжённо сглотнул — в горле пересохло так, будто он проглотил наждачную бумагу. Жар прилил к щекам, к вискам, даже к ушам. Джамал Алханов — опасный кавказский авторитет, и он не привык бросать слова на ветер.

За свои тридцать четыре года он научился держать ответ за каждое обещание и за каждую угрозу. Если Аида вернётся не такой, какой была до своего исчезновения, Саиду придётся разбираться с Алхановым. И этот разговор не закончится просто деньгами.

Дочка... удружила. Так удружила, что отец теперь не знал, куда спрятаться от стыда и страха.

— Я понимаю тебя, Джамал. — Саид постарался, чтобы голос прозвучал твёрдо, хотя внутри всё дрожало. — Ты всё верно рассудил. Но моя Аида знает, как нужно себя вести и с кем. Моя дочь не потаскуха. — Он повысил голос, вкладывая в него отцовскую гордость и злость. — Поэтому не смей говорить о ней так легковёрно. Даже в мыслях не смей.

Мужчина в ответ лишь прошипел нецензурную брань — короткую, злую, как удар бича. Злился. Злился страшно, потому что планы, выстроенные с такой тщательностью, рассыпались в прах за один день. Он уже видел себя женатым, видел Аиду в своем доме, в своих постелях — и вдруг всё исчезло, растворилось в тумане неизвестности.

— Я найду Аиду, Саид, — рывкнул Джамал на прощание, и этот рык повис в воздухе тяжёлым, удушливым облаком. — А когда найду — посмотрим, что с ней делать.

Он двинулся прочь из дома Сафарова — широким шагом, не оглядываясь, не прощаясь. Вышел во двор и сделал глубокий, шумный вдох, словно пытался втянуть в себя весь свежий воздух города. Нужно брать эмоции под контроль. И быстро. Он найдёт девушку. Он всегда находит то, что считает своим.

Подойдя к своей машине — чёрному внедорожнику, блестящему даже в сумерках, — распахнул дверцу и перевёл холодный, внимательный взгляд на мужчину справа от себя.

— Мих, он брехал. По глазам видел. — Голос Джамала был спокоен, но эта спокойствие обманчиво напоминало за-

тишье перед бурей.

— Да, Джамал. — Мужчина кивнул, поигрывая массивным перстнем на пальце. — Я заметил, как у старого козла лоб от пота блестел. И руки тряслись, когда он на стол опирался.

— И куда он дел Аиду? — Джамал прищурился, вглядываясь в темнеющее небо.

— Если её никто не похищал, то может, папашка её куда спрятал, чтобы тебе не отдавать? Есть же варианты...

— А смысл? — Джамал усмехнулся — горько, безрадостно. — Да он спал и видел, как дочь замуж за меня отдать. Он на этой свадьбе все свои проблемы хотел закрыть до конца жизни.

— А может, с Аидой случилось что? — Мих понизил голос почти до шёпота. — Несчастный случай. Или мало ли... Вдруг в живых её уже и нет? А этот хитрый лис боится тебе признаться, чтобы не потерять всё то, что получил. Думает, пока ищешь — надежда теплится.

— Ты что несёшь, придурок! — рявкнул Джамал с такой силой, что Мих инстинктивно отшатнулся. — В машину садись, быстро! — Джамал сам плюхнулся на водительское сиденье, с силой хлопнул дверцей. — Разберёмся, куда подевалась девчонка. Нужно установить наблюдение за Сафаровым — каждый его шаг отследить. У меня нет основания верить ему, ни одной зацепки. А после отправь наших парней в больничку, в которой трудилась Аида. Начнём оттуда. Спро-

си у каждой медсестры, у каждого санитаря. И если кто-то знает больше, чем говорит — пусть молится, чтобы мы этого не узнали.

Аида провела беспокойную ночь. Да и как иначе уснуть в чужом месте, на продавленном матрасе, когда каждый шорох кажется шагами маньяка? Подполковник свалил в неизвестном направлении. Вернётся он или нет? А если с ним прямо сейчас что-то случится — врежутся на трассе или подстрелят из-за угла?

Как она будет здесь одна, в глуши, где даже собаки не лают? Ведь этот мужлан её запер — провернул ключ в замке, и всё, будто кошку бросил в подвале.

Аиде не нравился этот дом. Здесь всё было чужим, неудобным, пропитанным чужими запахами и чужой тоской. Некомфортно. Пыльно. Словно здесь никто никогда по-настоящему не жил, а только переживал бурю. Сколько сейчас времени? Судя по тусклому свету, пробивающемуся сквозь грязное окно, — часов семь утра. Не больше.

Девушка отправилась на кухню. Села на жёсткий стул, а после попыталась взять себя в руки — сцепила ладони в замок и глубоко выдохнула. Нужно подумать. Успокоиться. Всё ведь не так уж и плохо, если рассудить здраво!

Подполковник её не убил. Не изнасиловал, хотя мог — сил у него больше, да и женщины, кажется, на него сами вешаются. Возможно, из её пребывания здесь можно будет выгадать пользу. Если Филипп будет спонсировать её кровом и

пищей, это поможет пересидеть какое-то время. С деньгами у неё всё равно напряжёнка — карманы пусты, душа тоже. Податься некуда. И кому доверять из тех, кто остался?

Филиппу — тем более нельзя. Очевидно, что подполковник и её отец «на ножах»: грызутся, как два кобеля за кость. Главное сейчас — чтобы никто из них никого не прибил раньше времени.

Аида поставила греться чайник, надеясь, что в этой «избушке» завалялся хоть один пакетик чая. Кофе не нашла — лишь два завалявшихся пакетика, да и те с истёкшим сроком, да немного сахара на дне засахаренной кружки.

Девушка невольно усмехнулась собственным мыслям. Да она и не такие условия готова вытерпеть, если надо — будет спать на полу и есть гречку всухую. Только бы за это время тот, который в женихи ей набивается, забыл о ней, оставил в покое и переключился на другую жертву.

Девушек вокруг ведь много. Самых разных. И очень красивых. Вот пусть и выбирает — ходит вокруг них, дарит цветы, строит из себя рыцаря. А от неё отстанет.

— И кто это пожаловал? — произнесла она, хватая со стола скалку. Услышала, как щёлкнули замки — громко, резко, по-хозяйски, — а через несколько секунд в коридоре появился Филипп с двумя огромными пакетами в руках.

Мужчина покосился на скалку, которую девушка так крепко сжала пальцами, что даже костяшки побелели, будто мраморные.

— Ты меня испугал, — прошипела Аида, хотя сердце колотилось где-то в горле от облегчения, а не от страха.

— А тебе есть кого бояться, кроме меня? — Филипп приподнял бровь, разглядывая её оружие. — Вижу, ты вооружилась серьёзно. Такое себе оружие, Аида, скажу тебе честно. Скалкой разве что котлеты отбивать.

Он снял куртку — небрежно бросил на спинку стула, — после кивнул девушке на пакеты.

— Это что? — Аида убрала скалку в сторону, хотя ладонь ещё помнила её холодную тяжесть. Она была рада его видеть, хоть никогда не призналась бы в этом даже себе самой, не то что ему. Рядом с Филиппом она испытывала странный, липкий дискомфорт — как будто ходишь по тонкому льду, — но в одиночестве было ещё более жутко. Там хотя бы знаешь, что опасность — внутри твоей головы, а не стоит за дверью.

— Это продукты, — пояснил он, поставив пакеты на пол. — И кое-что из самого необходимого. В машине ещё пара пакетов. Сейчас принесу. Я тебе и вещи притащил — кое-какие, чтобы не голой ходить.

— Хорошо. А я уже подумала, что ты меня голодом решил морить, — она скрестила руки на груди, но в голосе прозвучала первая за сутки теплая нотка.

— Ну, я не до такой степени изверг, — Филипп прошёлся по дому, осматриваясь — внимательно, по-звериному, будто проверял, не притащила ли она в зубах взрывчатку.

Аида сложила руки на груди плотнее, внимательно за ним

наблюдая.

— Ты правда думаешь, что в этой дыре есть что-то, на что я могла бы позариться? Мне ничего твоего не нужно, поверь. Я ничего не брала. Больно надо, — голос её звенел обидой и гордостью одновременно.

По настроению девушки Филипп понял: она даже не планировала сбежать. Интересно... Что за птица? Обычно в таких случаях бабы рвут когти, проклиная всё на свете.

Взгляд его остановился на вчерашней одежде Аиды — мятой, всё ещё влажной от духоты.

— Я и не подумал, что ты что-то могла взять. Внимательность и наблюдательность, девушка, это мои рабочие привычки, а не подозрения. Ты так и не переоделась?

Она пожала плечами — небрежно, будто ей всё равно.

— Душ принимала?

— Здесь нет душа. И вещей запасных нет, — она развела руками, показывая всю нищету этого места.

— Есть кастрюля и газ, — фыркнул он в ответ, но без злости. — Ладно, сказал же, что привёз для тебя кое-что, чтобы ты могла переодеться в человеческий вид. Вещи в пакете. Возьми.

— Хорошо. Спасибо... наверное, — она запнулась на полуслове, будто само слово «спасибо» застряло в горле колючкой. — Позже переоденусь. А сейчас хочется поесть — живот подвело ещё с вечера.

— Ты хоть готовить умеешь, Аида? Или только ногти кра-

силь?

— Умею, — отрезала она. — Не хуже твоей мамочки.

— Может, на двоих завтрак сделаешь, а?

— А ты похитил меня, чтобы я на тебя батрачила? Повара нанял бы за деньги, они хотя бы яду не подсыпят.

Филипп ничего не ответил. Молча пошёл на кухню, после бросил хмурый взгляд на горячую воду в чайнике, задумался на секунду и в одну из кружек кинул чайный пакетик — словно делал ей маленькое одолжение, за которое потом стыдно просить благодарность.

— Ладно, — смягчилась Аида. — Что ты принёс? — она принялась доставать из пакетов продукты: овощи, крупы, чай, кофе — настоящий, молотый, — и немного фруктов. Даже печенье купил — в золотистой упаковке, какое она любила в детстве.

— Приготовлю пюре, подполковник. Поедим. Будешь?

— Буду, — он сел напротив, оперевшись локтями в стол. — Знаешь что... — Филипп приблизился к девушке, хватая её за руку — не больно, но крепко, так, чтобы не вырвалась. — Я затащил тебя сюда, чтобы ты не попала под раздачу к Безбашенному. Не люблю, когда тиранят невинных — сам прошёл через это. А ещё подумал, что ты могла бы быть мне полезной, чтобы поквитаться с твоим папашкой. Но теперь, Аида...

— Что теперь? — она всматривалась в его глаза — тёмные, уставшие, с красными прожилками после бессонной но-

чи, — и чувствовала, как под ложечкой холодеет. Он сейчас скажет нечто такое, что перевернёт всё. Главное — чтобы прикопать её не решил в этом погребё.

— Я разговаривал с Булатом. А после вернулся на работу и... — он замолчал на секунду, подбирая слова. — В общем, я подумал: я не должен был рассматривать тебя как рычаг воздействия на твоего отца. Чтобы поquitаться с ним, мне не нужно прикрытие в виде женщины, поняла? Я сам справлюсь.

Аида всматривалась в лицо мужчины, но не совсем понимала, о чём он. Слова падали тяжёлые, как камни, но смысл ускользал.

— То есть? — переспросила она хрипло.

— Ты глупая, или прикидываешься? — он отпустил её руку. — Я забрал тебя, чтобы Булат до тебя не добрался — и всё. Можешь не благодарить, Аида. Это не подвиг. На этом всё. С тобой больше хлопот, чем я рассчитывал — ты как кошка, которую засунули в мешок: дерёшься, царапаешься и портишь всё вокруг. А удерживать женщину насильно... — он покачал головой. — Я понял за эту ночь, что не моё это. Поэтому ты немного приди в себя, оглядись. Поживи в этом доме недели две, тут тихо, безопасно. А после иди на все четыре стороны, куда глаза глядят.

— Как поживи? Филипп, я не понимаю, — она моргнула, и в её голосе впервые прозвучала не ирония, а растерянность.

— Ты свободна, — сказал он, и это слово прозвучало так неожиданно, что у Аиды перехватило дыхание. — Чего именно ты не понимаешь? Я говорю по-русски? На вот, — он сунул ей в руку ключи от дома — тяжёлые, на старом железном кольце, — сам же сделал два шага назад, будто боялся, что она кинется на него с поцелуями или с кулаками. — Я хотел помочь тебе, Аида. Честно. Но при этом преследовал и личные интересы — я не святой. Теперь же... я просто помогу тебе, без задней мысли. Когда Булат остынет и ты станешь ему неинтересна — а такие, как он, быстро загораются и быстро гаснут, — ты уберёшься из этого дома.

Аида уставилась на ключи в своей руке: металл приятно охлаждал ладонь. Потом снова посмотрела на Филиппа — исподлобья, внимательно, будто пыталась прочесть между строк то, что он не договорил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.